

УДК 902.904 (470.57)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.204.217>

Детские захоронения Бирского грунтового могильника: проблема идентификации и новейшие данные (Западное Приуралье)

© 2024 г. Русланова Р.Р.

Keywords: archaeology, Cis-Urals, Birsk soil burial ground, Middle Ages, children, funeral rite

Түйін сөздер: археология, Урал өңірі, Бирск топырақ қорымы, орта ғасыр, балалар, жерлеу рәсімі

Ключевые слова: археология, Приуралье, Бирский грунтовый могильник, средневековье, дети, погребальный обряд

Rida Ruslanova¹

¹Candidate of Historical Science, National Museum of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia. E-mail: ridushka@mail.ru

Children's burials of the Birsky soil burial ground: the problem of identification and the latest data (Western Cis-Urals)

The Birsk soil burial ground is a landmark monument of the Western Urals (Ufa-Belsk interfluvium) of the mid-1st millennium AD. This article examines children's burials. The lack of anthropological analysis of the remains forces us to appeal to the data (categories "children", "child") indicated by the director of the excavations of 1958–1991 N. Mazhitov in scientific documentation. The osteological material obtained by the author of the article in 2017, 2021, 2023 was processed by anthropologists and the age range of the remains was determined more accurately, and a sequenced analysis of the child's burial was additionally carried out. Based on the analysis, it was determined that children, singled out by society in social activities, did not have any special distinctive features in the construction of grave pits for them and in the composition of burial goods. Perhaps there was a difference in the performance of funeral and memorial rituals.

Source of funding: The research was carried out with the support of the Russian National Science Foundation grant nr. 23-78-10057 "Dynamics of cultural development and development of the Southern Urals from antiquity to becoming part of Russia (4th century BC – 16th century): interdisciplinary archaeological research".

For citation: Ruslanova, R. 2024. Children's burials of the Birsky soil burial ground: the problem of identification and the latest data (Western Cis-Urals). *Kazakhstan Archeology*, 1 (23), 204–217 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2024.1.23.204.217](https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.204.217)

Рида Раисовна Русланова¹

¹Тарих ғылымдарының кандидаты, Башқұртстан Республикасы Ұлттық музейі, Уфа, Ресей

Бирск топырақ қорымының балаларды жерлеу орындары: сәйкестендіру мәселесі және жаңа деректер (Батыс Урал өңірі)

Бирск топырақ қорымы – б.д. I мыңж. ортасындағы Батыс Урал өңірінің (Уфа-Бельск өзенаралығы) белгілі ескерткіші. Бұл мақалада балалардың қабірі қарастырылады. Сүйектерге антропологиялық талдау жасалмағандықтан, біз 1958–1991 жж. қазба жұмыстарының жетекшісі Н.А. Мажитов ғылыми құжаттамада көрсеткен мәліметтерге («балалар»,

Рида Раисовна Русланова¹

¹Кандидат исторических наук, Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Детские захоронения Бирского грунтового могильника: проблема идентификации и новейшие данные (Западное Приуралье)

Бирский грунтовый могильник – знаковый памятник Западного Приуралья (Уфимско-Бельское между-речье) сер. I тыс. н.э. В данной статье рассматриваются детские погребения. Отсутствие антропологического анализа останков приводит к тому, что мы апеллируем данными (категориями «дети», «ребенок»), указанными руководителем раскопок 1958–1991 гг.

«сәби» категориялары) жүгінеміз. Мақала авторының 2017, 2021, 2023 жж. алған остеологиялық материалын антропологтар өңдеді және сүйектердің жас диапазоны нақтырақ анықталды, балалардың қабіріне қосымша секвенирленген талдау жүргізілді. Талдау негізінде қоғамдық қызметте қауымның ортасынан ерекшеленбеген балалардың қабірінде де, қабірден табылған жәдігерлердің арасында да ерекше белгілердің болмағаны анықталды. Жерлеу-еске алу рәсімдерінде ерекшелік болуы мүмкін.

Қаржыландыру көзі: Зерттеу «Оңтүстік Уралдың ежелгі дәуірден бастап Ресей құрамына енгенге дейінгі мәдени дамуы мен игерілу динамикасы (б.д.д. IV ғ. — XVI ғ.): пәнаралық археологиялық зерттеу» РФК № 23-78-10057 грантының қолдауымен орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Русланова Р.Р. Бирск топырақ қорымының балаларды жерлеу орындары: сәйкестендіру мәселесі және жаңа деректер (Батыс Урал өңірі). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 1 (23). С. 204–217-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.1.23.204.217](https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.204.217)

Н.А. Мажитовым в научной документации. Остеологический материал, полученный автором статьи в 2017, 2021, 2023 гг., был обработан антропологами и возрастной диапазон останков определен точнее, дополнительно был проведен секвенированный анализ детского захоронения. На основе анализа определено, что дети, выделяемые социумом в общественной деятельности, не имели особых отличительных черт в устройстве могильных ям для них и в составе погребального инвентаря. Возможно, имелось отличие в совершении погребально-поминальной обрядности.

Источник финансирования: Исследование выполнено при поддержке гранта РФК №23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

Для цитирования: Русланова Р.Р. Детские захоронения Бирского грунтового могильника: проблема идентификации и новейшие данные (Западное Приуралье). *Археология Казахстана*. 2024. № 1 (23). С. 204–217

[DOI: 10.52967/akz2024.1.23.204.217](https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.204.217)

1 Введение

Объект археологического наследия «Бирский грунтовый могильник» («Святой ключ», Бирский могильник, Бирский II грунтовый могильник, Бирск-2, грунтовый могильник) – знаковый некрополь для Западного Приуралья в целом и для Уфимско-Бельского междуречья в частности. Это объясняется продолжительным временем заполнения площадки могильника, отразившим процессы взаимодействия ряда археологических культур, массовостью захоронений, внушительной коллекцией материала местного производства и изделий «дальнего импорта».

Памятник расположен у южной окраины застройки г. Бирск (Бирский р-н, Республика Башкортостан) и занимает участок коренной террасы правого берега р. Белой в 0,6 км к северо-востоку от Бирского (Чертова) городища (рис. 1). Северная граница проходит по лесопосадке, расположенной к югу от края земельных участков; восточная – по ул. Крещенской и по западному склону возвышенности, из-под которой вытекает родник Святой ключ; южная граница – пересекает овраг, по дну которого течёт родник; западная граница – по гребню террасы, обращённому к р. Белой. Общая площадь памятника, поставленного на федеральную охрану, составляет более 100 000 кв.м. Площадка памятника, интенсивно используемая в прошлом для посадок плодовоовощного совхоза, в настоящее время частично задернована, зарастает хвойными деревьями, прорезана большим количеством грунтовых дорог.

Памятник, известен в науке с начала XX в., со времени опубликования случайно обнаруженных предметов, переданных в Уфимский губернский музей (ныне Национальный музей Республики Башкортостан) [Бульчов 1902: 13]. Научные исследования Бирского могильника начались в 1958 г. экспедицией Института истории, языка и литературы БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова. В тот год территория мыса была размечена траншеями для посадки яблонь. Часть траншей перерезала погребения с инвентарём, что послужило началом многолетнего изучения Бирского грунтового могильника.

В 1981, 1983–1985, 1990–1991 гг. раскопки могильника были продолжены археологическими экспедициями Башкирского государственного университета так же под руководством Н.А. Мажитова [Мажитов 1982, 1984, 1985]. Раскопками этих лет была вскрыта значительная часть площадки

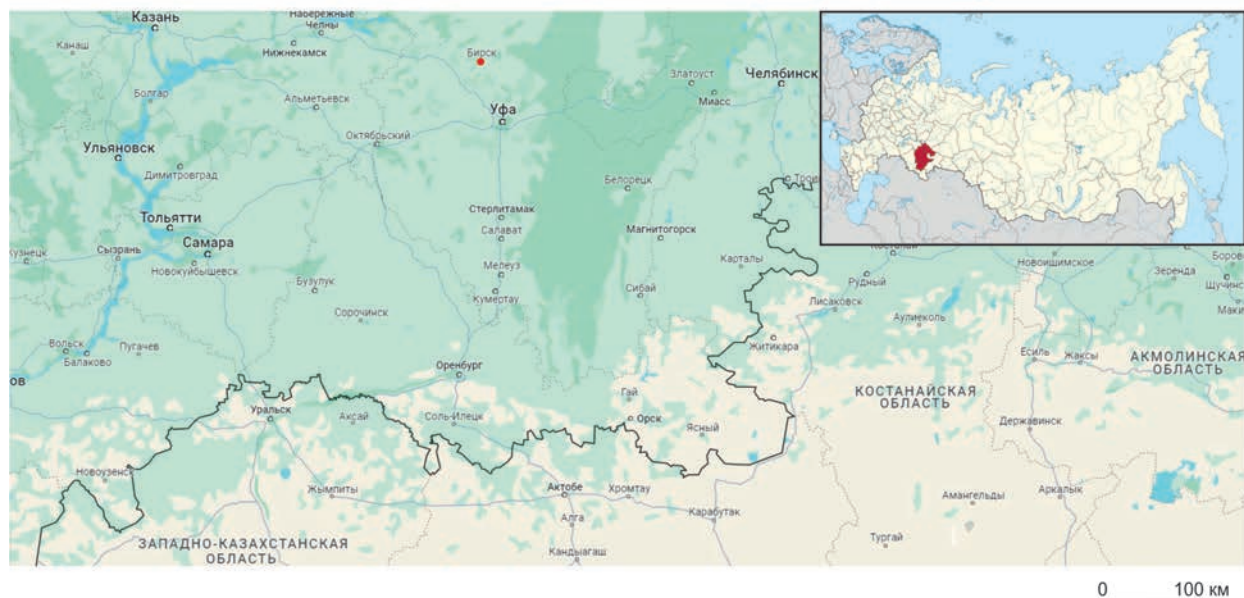

Рис. 1. Карта-схема расположения Бирского грунтового могильника (за основу взята карта ©Google, 2024)
1-сур. Бирск топырақ қорымы орналасқан жердің сызба картасы
(©Google картасына сүйеніп жасалған, 2024)

Fig. 1. Map of the location of the Birsk soil burial ground (based on the ©Google map, 2024)

памятника, выявившая 692 погребальных комплекса. С 2017 г. на объекте археологического наследия ведутся работы под руководством автора [Русланова, Русланов 2022]. За 2017, 2021, 2023 гг. раскопками изучено 44 погребения [Русланова 2022].

Бирский могильник неоднократно становился предметом изучения, ему посвящено большое количество публикаций, материалы использовались ранее и всё ещё не потеряли значимости для исследования эпохи раннего средневековья Восточной и Центральной Европы [Мажитов 1968; Генинг 1972; Амброз 1980; Васюткин 1994; Русланова 2018б; 2018в; Русланова, Русланов 2019]. Ряд изделий вошёл в базы/каталоги ярких изделий эпохи средневековья [Амброз 1980; Ковалевская 1972; 2000; Русланова 2018а], а также стал основой для написания диссертаций по различным категориям предметов – хроноиндикаторов [Белявская 2023].

Материалы первых лет раскопок вошли в монографическое исследование Н.А. Мажитова [Мажитов 1968]. Им отмечено, что все погребения грунтовые, расположены рядами, большей частью одиночные, ориентированные на северо-запад и очень редко – на запад и север. Метод культурной стратиграфии позволил ему выделить четыре хронологические группы. Погребения первых двух групп, датированные II–IV и IV–V вв. локализовались в северной части площадки. Для захоронений характерны простое устройство могильной ямы, наличие женских украшений, фибул, деталей поясной гарнитуры. Оружие и орудия представлены железными ножами, наконечниками стрел, топорами, фиксируется небольшое количество сосудов малых форм. В составе инвентаря выделяются так называемые «жертвенные комплексы» – скопления украшений, размещённые в различных частях могилы. Погребения раннего периода функционирования некрополя отнесены к материалам бахмутинской культуры, связанной с местными пьяноборско-караабызскими племенами раннего железного века.

Поздние захоронения, датированные автором раскопок V–VI и VI–VII вв., продолжают ряд традиций предшествующего времени, однако фиксируется усложнение конструкций могильных ям

– они значительно углубляются и в одной из стен устраиваются подбои. В погребальном инвентаре преобладают элементы поясной гарнитуры, украшения, зеркала, предметы «дальнего импорта»: перстни, цепи сложного плетения, стеклянный кубок. В погребениях этого периода найдены кости животных (чаще всего кости лошади) и крупные керамические сосуды. Ряд черепов из захоронений имеет искусственную деформацию. Данный набор черт характерен для представителей турбаслинской и кушнаренковской археологических культур [Мажитов 1968].

Знаковые материалы раскопок последующих лет были опубликованы Н.А. Мажитовым в различных изданиях, осветивших находки монет и расширивших диапазон функционирования некрополя до VIII в. [Мажитов 1990; Мажитов, Султанова 1994]. Однако комплексный анализ памятника был дан его дочерью – Альфией Ниязовной Султановой, бессменным участником экспедиций. А.Н. Султанова обобщила материал 692 погребений, рассмотрела погребальный обряд и инвентарь, установила место Бирского могильника в раннесредневековой археологии Западного Приуралья [Султанова 2000].

Определено, что некрополь, разраставшийся с севера на юг, функционировал в пределах III–VIII вв. н.э. Внутри указанных временных рамок ею выделены два крупных хронологических периода, каждый из которых фиксирует особенности этнокультурной ситуации в регионе. Ранний этап (III–V вв.) отражает преемственность бахмутинской культуры с культурами раннего железного века, поздний этап (VI–VIII вв.) связан с приходом на Южный Урал турбаслинского, кушнаренковского и караякуповского населения и взаимодействие с местными бахмутинскими племенами.

Не смотря на имеющийся аналитический обзор материалов некрополя, памятник продолжает привлекать внимание исследователей по самым различным аспектам.

2 Материалы и методы

В 2023 г. экспедицией Национального музея Республики Башкортостан на Бирском грунтовом могильнике, в его северо-западной части, обнаружено захоронение ребёнка, что послужило отправной точкой для попытки обобщить все данные по детским захоронениям предыдущих лет раскопок некрополя.

Отдельно тема детских захоронений не поднималась специалистами по эпохе раннего средневековья Урало-Поволжья, но так или иначе фигурировала в обобщающих трудах. При публикации материалов исследований памятников Среднего Прикамья III–V вв. Т.И. Останина разделяет детские и подростковые погребения, указывая вариации размеров могильных ям (длина в пределах 75–150 см, ширина 30–50 см детских и 151–180 см длина и 30/50–70 см ширина подростковых), а также обращает внимание на несоответствие малого количества выявленных детских погребений предполагаемым высоким показателям детской смертности в древности. Таисия Ивановна здесь приводит мнение В.Ф. Генинга и данных этнографических экспедиций о наличии у населения специальных кладбищ для детей, не имевших ещё имени [Останина 1997: 21-22]. Наиболее полно тему детских захоронений Прикамья раскрыл в своей диссертации, отражённой позднее в коллективной монографии, Т.Р. Сабиров [Сабиров 2011; Голдина и др. 2015].

2.1 Методика исследований

Как отмечают исследователи, в традиционных культурах соотношение населения по полу и возрастным группам определяется естественным разделением труда. Обычно половозрастная градация включала младенцев, детей, подростков, юношей, девушек брачного возраста, молодых бездетных мужчин и женщин, молодых женатых мужчин и замужних женщин с детьми, их же с подросшими детьми, стариков, старух [Балабанова и др. 2015: 4]. Не вдаваясь в специфику градации групп взрослого населения, остановимся на вариантах выделения из массива захоронений погребений детей.

Градация, разработанная антропологами, включает следующие категории детей: *Infantilis I*: дети до времени прорезывания первых постоянных моляров – до 6-7 лет; *Infantilis II*: дети до прорезывания вторых постоянных моляров, т.е. до 14 лет; *Juvenis* – до закрытия основно-затылочного шва [Алексеев, Дебец 1964; Малашев, Яблонский 2008: 73-74].

На примере изучения детских погребений эпохи бронзы Южного Урала Н.А. Берсенева считает наиболее приемлемым простое трёхчастное деление жизненного цикла, принятое в демографии: незрелые, или «дети» – *juvenile* (i. e. *pre-adult*) – до 15 лет, «взрослые» – *primeadult*, характеризуются физической и репродуктивной зрелостью, а также самой низкой смертностью, и «старшие взрослые» – *oldadult*; после 45–50 лет, маркируется снижением женской фертильности и возрастанием смертности среди обоих полов. Первая категория – дети – физически и социально незрелы и зависимы от взрослых; им присущ самый высокий уровень смертности среди всех возрастных групп [Берсенева 2022: 62].

2.2 Описание материала

Антропологический анализ останков, исследованных раскопами 1958–1991 гг., был сделан только для коллекции 1960 г., когда в составе экспедиции Н.А. Мажитова работал отряд специалистов Института антропологии Московского государственного университета под руководством М.С. Акимовой [Мажитов 1960а; 1960б, 1960в; 1968]. Ею определено пять черепов детского или юношеского возраста [Акимова 1968: 56]. Погребения 713 и 729, исследованные в 2017 и 2023 гг. автором статьи, были изучены специалистами – в 2017 г. Е.П. Китовым, в 2021, 2023 гг. – А.И. Нечвалодой.

В силу того, что в отчётах раскопок Бирского могильника до 2017 г. не были указаны возрастные группы погребённых, отсутствовало описание зарастания черепных швов, качества и количественного показателя прорезанных зубов (к сожалению, как и деталей относительно зубной системы), то возникает проблема точной дифференциации погребённых из 736 захоронений, выявленных за все годы раскопок некрополя. Погребения, фигурировавшие как «дети» (в ряде случаев используется термин «ребёнок») и «подростки», нами выделены на основе отчётных данных и материалов раскопок. В отчётных материалах (в ряде случаев там, где это возможно, после сопоставления с иллюстративной частью документы) встречено 60 (8% от всех захоронений) и 22 (3% от всех захоронений) указания соответственно¹. Рассмотрим выборку «дети»/«ребёнок».

3 Результаты

Планиграфически детские захоронения никак не обособляются на площадке памятника – им не выделены отдельные участки, и они не окружены либо не сопутствуют никаким особым захоронениям. Могильные ямы рассредоточены по некрополю, включены в общие семейные ряды, то есть окружены мужскими и женскими захоронениями. Возвращаясь к проблеме антропологической идентификации каждого захоронения, мы не можем с уверенностью утверждать, что у населения, оставившего Бирский могильник, имелся либо отсутствовал иной способ обращения с телом умершего ребёнка. Возможно, на памятнике мы фиксируем захоронения определённой группы детей, переступивших временную либо социально-атрибутированную черту. Дети, не прошедшие инициации или не достигшие определённого возраста, могли быть похоронены либо на отдельном кладбище, либо в иных местах – особых кладбищах, в дуплах, на деревьях [Султанова 2000: 94].

Детские захоронения на Бирском грунтовом могильнике совершены в рамках погребальной традиции, свойственной для взрослого населения, оставившего некрополь. Все зафиксированные погребения детей и подростков грунтовые. Для детских погребений, отнесённых к раннему периоду функционирования могильника, захоронений бахмутинской культуры, характерны неглубокие могилы (0,35–0,6 м) простой конструкции, в погребениях турбаслинской, кушнаренковской и караякуповской культур глубина погребения достигает 0,9–1 м. Ряд одиночных захоронений детей/подростков совершены в почвенном слое и контуры таких ям практически не фиксируются.

Для всех захоронений, содержащих фрагменты детских скелетов, характерна подпрямоугольная форма ямы, ориентированная длинной осью СЗ–ЮВ. Два погребения имеют подбой (пп. 228,

¹ Вполне возможно, что данные цифры могут измениться в результате анализа антропологических материалов Бирского могильника из раскопок Н.А. Мажитова, хранящихся в антропологической лаборатории Института истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра РАН, Уфа.

394), традиционные для поздней части некрополя, связанной с населением турбаслинской культуры. Максимальная глубина захоронений составляет 0,95–1 м (пп. 374, 378, 386).

Из выделенных 60 погребений 52 одиночных, восемь костяков размещались в коллективных захоронениях: три погребения содержало скелеты взрослого и ребёнка (пп. 150, 560, 680), в трёх зафиксированы двое взрослых и ребёнок (пп. 462, 612, 613). Выявлено одно захоронение, содержащее скелеты трёх взрослых и ребёнка (п. 316, рис. 2, 1) и одно, состоящее из двух взрослых и двух детей (п. 515).

Рис. 2. Бирский грунтовый могильник: 1 – погребение 316 (а – железный нож; б – рамка от пряжки); 2 – погребение 408 (а – бусины; б – пронизка; с – колоколовидная подвеска; d – розетковидная подвеска; e – сосуд) (по: [Мажитов 1981; 1984])

2-сур. Бирск топырақ қорымы: 1 — № 316 жерлеу орны (а — темір пышақ; б — айылбастың жақтауы); 2 — № 408 жерлеу орны (а — моншақтар; б — салпыншақ; с — қоңырау тәрізді алқа; d — гүлернек тәрізді алқа; e — ыдыс) ([Мажитов 1981; 1984] бойынша)

Fig. 2. Birk soil burial ground: 1 – burial 316 (a – iron knife; b – buckle frame); 2 – burial 408 (a – beads; b – piercer; c – bell-shaped pendant; d – rosette-shaped pendant; e – vessel), after – Mazhitov 1981; 1984

Наличие одиночных детских захоронений дало возможность исследователям предположить отсутствие традиции подзахоронения детей ко взрослым, а сам факт коллективных погребений считать отражением одномоментной гибели целой семьи [Султанова 2000: 92]. Однако фиксируемая на планах разрушенность скелетов (или их части) взрослых и анатомический порядок детских (п. 316, п. 515) создаёт впечатление о возможном наличии у населения, оставившего могильник, данного обряда подзахоронивания детей.

В одиночных детских погребениях кости, лежащие в анатомическом порядке, также повторяют стандартное для могильника трупоположение – вытянуто на спине, руки вдоль тела, а их ориентировка соответствует традиционной – на СЗ (рис. 2, 2). В коллективных погребениях (а их с детскими останками восемь случаев) направление костяков нарушалось, хотя детей старались соотнести с СЗ направлением, однако в п. 462 (двое взрослых и ребёнок) и п. 680 (взрослый и ребёнок) дети лежат параллельно взрослым, ориентированным на ЮВ, в п. 515 (двое взрослых и два ребёнка) один ребёнок размещён параллельно взрослому, положенному головой на СЗ, а второй – погребённому, ориентированному на ЮВ. В п. 150 ребёнка положили между ног матери (одно из трёх погребений некрополя, на костях которого была зафиксирована красная краска). В одном случае Н.А. Мажитов отмечает пеленание тела ребёнка, лежащего одиночно, в луб (п. 105).

Погребальный инвентарь, на первый взгляд, так же соответствует набору вещей, сопровождающих погребения взрослых – предметы костюмного комплекса и быта, керамика, кости животных.

По всей видимости, дети захоранивались в повседневном одеянии, однако костюмных деталей, в силу скорее возрастного статуса, было гораздо меньше. Пряжки зафиксированы в 10 погребениях, накладки – в семи, наконечники – в трёх. Особым набором поясной гарнитуры отличается п. 577 – лежащий поверх тела поясной набор состоял из пряжки, наконечника ремня, ромбических и круглых накладок.

В двух погребениях встречена фибула (пп. 96, 136), в одном – две сюльгамы (п. 269). Украшения представлены гривной (семь случаев), браслетами (восемь раз), одной серьгой с многогранником (п. 80), двумя фрагментами бронзовых цепочек, подвесками в виде колокольчика, лошадки (в п. 386 отмечена серебряная коньковидная подвеска) и петушка (п. 433), височными подвесками бахмутинского типа (пять случаев), височными кольцами (три случая), проволочными кольцами.

Фиксируется большое количество бисера, бус из различных материалов (стекла, сердолика, янтаря, створок раковины *Turbo marmoratus*), подвесок из раковин каури и *Turbo marmoratus* – 27 погребений. В контексте бусинных наборов, в частности, ожерелий-монисто, из всего комплекса погребений Бирского грунтового могильника выделяются четыре детских захоронения: два из них содержат находки бусин-скарабеев, одно – пробитую сасанидскую монету (п. 433, рис. 3). Серебряная монета, отмеченная в числе находок п. 394, на плане погребения не указана и в фондах не зафиксирована. Бусина-скарабей Бирского могильника (в фондах археологического музея им. Н.А. Мажитова при Уфимском университете науки и технологии сохранилась лишь одна из п. 315) уже рассматривалась с точки зрения морфо-технологического анализа [Русланова 2018: 136].

Погребение 433 ранее детально опубликовано Н.А. Мажитовым [Мажитов 1990]. Автором указано, что, наряду с бронзовыми подвесками в виде лошадки и петушка, на шее у ребенка обнаружены бусины и монета, определенная как изделие хорезмийского чекана VIII в. Так как второе погребение с подобной находкой обнаружено в парном «взрослом» погребении, считать наличие монеты в наборе украшений именно ребёнка не представляется возможным. Фигурка петушка в коллекции могильника единственная, а лошадки встречались и в погребении взрослых (напр., в п. 113 в составе инвентаря взрослого мужчины).

Фигурка всадника – уникальная в своем роде подвеска была обнаружена в п. 362 [Мажитов, Султанова 1994: 110, 113]. Ныне образ, к сожалению, утерянной подвески является логотипом проводимых симпозиумов памяти Нияза Абдулхаковича Мажитова (1933–2015). Наиболее полное морфологическое описание её сделали в своей коллективной работе Ф.А. Сунгатов и Р.М. Юсупов [Сунгатов, Юсупов 2006]. Фигурка, лежащая на локтевой кости в южной половине могилы, имеет

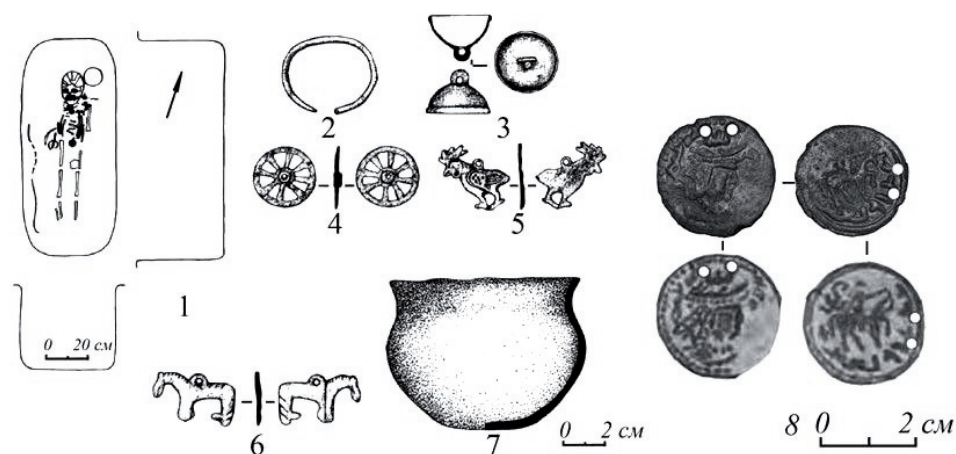

Рис. 3. Бирский грунтовый могильник. Погребение 433: 1 – план детского погребения. Вдоль западной стенки тлен лука; 2 – дровяной браслет; 3 – подвеска колокольчик; 4 – колесовидная подвеска; 5 – подвеска петушок; 6 – подвеска лошадка; 7 – керамический сосуд; 8 – пробитая монета VIII в. (по: [Мажитов 1985])

3-сур. Бирск топырақ қорымы. № 433 жерлеу орны: 1 – балаларды жерлеу орнының жоспары. Батыс қабырға бойындағы садақ сынықтары; 2 – жұмыр білезік; 3 – қоңырау алқа; 4 – доңғалақ тәрізді алқа; 5 – қораз алқа; 6 – ат алқа; 7 – керамика ыдыс; 8 – VIII ғ. тесік монетасы ([Мажитов 1985] бойынша)

Fig. 3. Birsk soil burial ground. Burial 433: 1 – plan of a child's burial. Along the western wall there are bow traces; 2 – wire bracelet; 3 – bell pendant; 4 – wheel pendant; 5 – cockerel pendant; 6 – horse pendant; 7 – ceramic vessel; 8 – punched coin of the 8th century, after – Mazhitov 1985

сложный рельеф, изображающий всадника на коне. Ими приводится широкий круг аналогий данному изделию. В погребении, датированном авторами VIII в., размещались разрозненные кости подростка (в отчёте определён как «детский»).

Что касается обнаружения предметов специализации или ремесла, то в непосредственной близости от детских костяков не фиксируются оружие и орудия труда, такие как топоры, наконечники стрел, копий, лошкари и прочее. Необычными для некрополя можем назвать факты обнаружения тлена лука в п. 433, а также наконечник стрелы в заполнении детского черепа коллективного захоронения (п. 462). В двух случаях зафиксированы ножи (пп. 316, 577). В п. 577 нож в кожаных ножнах был положен на грудь умершего.

Керамика в детских погребениях представлена целыми сосудами и во фрагментах, которые можно отнести к бахмутинской, турбаслинской и кушнарниковской культурам (16 случаев). Наличие жертвенных костей животных, зафиксированных в погребениях детей, относимых к населению турбаслинской и кушнарниковской культур, повторяет наличие костных останков и в погребениях взрослых. Наборы, традиционно обозначенные археологами-медиевистами Прикамья как «жертвенные», в монографии, посвящённой погребальному обряду Тарасовского могильника, переименованы в «подарочные» [Голдина и др. 2015: 19]. Не касаясь темы вариативности и смысловой нагрузки такого явления как отдельно размещённый комплекс предметов, укажем, что они включались и в погребения детей (пп. 315, 322, 381, 577, 713). Состав так же типичен для «взрослых» комплексов: височные подвески бахмутинского типа, пронизки и колоколовидные подвески, гривны, поясная гарнитура. Жертвенный или подарочный комплекс обнаружен и в п. 713 [Русланова 2018]. Так как это одно из немногих погребений, для которого дополнительно удалось провести секвенирование генома, то остановимся подробнее на описании захоронения.

Погребение 713 имеет размеры 1,4×0,62 м, глубину 0,22 м. Могильная яма, выявленная по слабо фиксируемому пятну тёмного гумуса, овальной формы, с ровным дном и уступом в ЮВ стенке. Тело погребённого, ориентированное по линии ССЗ–ЮЮВ, было уложено в некую деревянную конструкцию, от которой сохранился лишь тлен. От скелета человека сохранилась только часть – раздавленный череп, повернутый влево, и плечевая кость. По части найденных костей (зубы) определён возраст погребённого – ребенок около 4 лет. По всей видимости, на голову ребёнка венчал головной убор, украшенный бисерной обшивкой. В непосредственной близости был размещён жертвенный комплекс, на который и упал головной убор при археологизации погребения.

В состав головного убора входили бусинные украшения, височное кольцо бахмутинского типа и витое височное кольцо. В состав жертвенника включены гривна, бусы, цепочки (малая и большая), круглая височная подвеска, накладка – тройчатка, круглая плоская бронзовая бляшка с двумя отверстиями в центре, бронзовое височное кольцо и бронзовая цепочка из 19-ти проволочных овальных звеньев, два отрезка бронзовой цепочки из крупных девяти звеньев, которые образованы путём сгиба треугольной в сечении узкой (0,5 см) полосы. Здесь же расчищена бронзовая гривна, ромбическая в сечении. Бисерные нити, зафиксированные в районе нижней челюсти, расчищались и фиксировались послойно (слои глубиной 2 см). Сложно сказать, они находились в составе головного убора или жертвенника. В центральной части погребения выявлена пряжка с остатками органики, ещё две пряжки зафиксированы в южной части погребения. У бесщитковой пряжки расположен наконечник ремня.

В декабре 2020 г. в лаборатории Дэвида Райха кафедры генетики Гарвардской медицинской школы (Бостон, Массачусетс, США) были получены результаты секвенирования геномов для 4-х индивидов из Бирского могильника 2017 г. раскопок (пп. 694, 702, 710, 713), для которых были доступны сохранные зубы. В результате был определён пол и гаплогруппы для двух индивидов (п. 694 – мужчина, п. 713 – женщина), получены генотипы во множественных локусах на аутосомах. Также

Рис. 4. Бирский грунтовый могильник. Погребение 329. Фото: Рида Русланова
4-сур. Бирск топырақ қорымы. № 329 жерлеу орны. Фото: Рида Русланова

Fig. 4. Birsk soil burial ground. Burial 329. Photo: Rida Ruslanova

проведен анализ главных компонент в общемировом контексте и в контексте западной Евразии, а также анализ методом ADMIXTURE. Результаты ещё ждут своей комплексной публикации, пока лишь скажем, что проявилась значительная доля сибирской генетической компоненты.

В сезоне 2023 г. обнаружено захоронение младенца 3–6 месяцев (п. 729, рис. 4). Согласно костям, сохранившим анатомический порядок, тело размещено вытянуто на спине. В районе грудной клетки обнаружены две накладки – тройчатки. У черепа слева зафиксировано скопление стеклянного бисера, бронзовое кольцо, пронизка и бронзовая пластина. Погребение так же было включено в общий семейный ряд и окружено захоронениями взрослых индивидуумов.

4 Обсуждение

Таким образом, детские захоронения Бирского грунтового могильника отвечают лишь на некоторые вопросы социально-демографического плана. Дети в определённый возраст хоронились на общей площадке памятника в той традиционной обрядности, которая была характерна для взрослого населения – в грунтовых могильных ямах, вытянуто на спине, с ориентировкой на СЗ. Единство погребальных конструкций и большинства погребального инвентаря, по всей видимости, традиционны и фиксируются в более ранний период [Зубов и др. 2021].

В большинстве своём состав инвентаря гендерно-нейтральный, лишь небольшой перечень находок может косвенно свидетельствовать о половой принадлежности погребённого – оружие (наконечники стрел, остатки лука) у мальчиков, украшения (височные подвески бахмутинского типа) у девочек. Нет данных и для определения трудовой социализации, но и это сближает детские погребения со взрослыми, в которых так же нет явных указателей на «профессиональную» деятельность умершего.

Наличие одиночных захоронений не позволяет сделать вывод о том, что ребёнок в коллективных могилах мог выполнять роль «объекта» – некоего инвентаря, размещённого рядом со взрослым, присущего погребениям более ранних эпох [Берсенева 2017: 9]. В единичных случаях встречены элементы, не имеющие аналогий не только в рамках Бирска, но и в целом в средневековых могильниках Приуралья – подвеска в виде всадника, бусины-скарабеи из египетского фаянса.

По всей видимости, наличие и разнообразие погребального инвентаря в детских захоронениях у населения, оставившего Бирский грунтовый могильник, было обусловлено не наделением ребенка особой ролью жертвы либо избранного, а имущественным (социальным?) статусом родителя – исполнителя погребальных манипуляций, семейных традиций или разовых сентиментальных аспектов [Берсенева 2023: 92]. В пользу данной версии указывают и богатые «жертвенные» комплексы. В детском погребении Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры, предшествующей территориально и хронологически бахмутинской, также зафиксирован «подарок» в виде ножа в ножнах и наконечников стрел [Зубов и др. 2021: 72].

В детских погребениях Бирского могильника не фиксируются игрушки, часто обнаруживаемые в слоях городища Уфа-II, синхронного некрополю. По всей видимости, либо размещались игрушки из органических материалов (дерева, войлока, тканей), либо предметы, индивидуально изготовленные для детей (или же самими детьми), не входили в состав погребального инвентаря.

5 Заключение

В настоящее время сложно наделить некими сакральными смыслами детские погребения, кроме тех, что население Приуралья эпохи средневековья верило в загробную жизнь, а амулеты (подвески, бусины-скарабеи) могли выполнять защитную функцию. Некоторые группы детей, возможно, прошедшие определённые обряды (имянаречение и иное), могли быть захоронены (дозахоронены?) либо в погребениях взрослых, либо одиночно, согласно общепринятым канонам – в погребении характерной для этапа глубины и конструкции, с традиционными для населения деталями костюмного комплекса (пряжки, накладки, украшения), погребального инвентаря и тризн (костей животных). Вполне вероятно, что захоронение детей сопровождалось иными поминально-погребальными обрядами и ритуалами, нежели процессы, сопутствующие захоронениям взрослого населения.

Более детальные выводы по реконструкции погребальной обрядности, костюмных комплексов, социальной и половозрастной градации детей и подростков в обществе будут сделаны после палеоантропологического анализа уже исследованных погребений и новых раскопок невоскрытой части Бирского грунтового могильника.

Благодарности. Выражаю искреннюю благодарность Егору Китову и Алексею Нечвалюде за антропологические определения, а также Павлу Флегонтову за проведение анализа ДНК. Благодарю Михаила Кривошеева за консультации, полученные в ходе подготовки рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- 2 Акимов М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.
- 3 Амброс А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 1-56.
- 4 Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2015. 272 с.
- 5 Белявская О.С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. 27 с.
- 6 Берсенева Н.А. Детские захоронения в контексте погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Урала: субъект или объект? // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 8-12.
- 7 Берсенева Н.А. Детские погребения срубной культуры Южного Урала. Изучение возрастных групп и этапов социализации детей // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 61-70.
- 8 Берсенева Н.А. К реконструкции социальной структуры ранних кочевников Южного Урала (VI–III вв. до н.э.): детские погребения // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 1. С. 85-99.
- 9 Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. 1. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. 33 с.: ил.
- 10 Васюткин С.М. Изучение эпохи Средневековья Южного Приуралья: Учеб. пособие. Элиста: Калмыцкий ун-т, 1994. 114 с.
- 11 Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов и др. М.: Наука, 1972. С. 221-295.
- 12 Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань; Ижевск, 2015. 297 с.
- 13 Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Рослякова Н.В., Саттаров Р.Р. Погребение мальчика-охотника из Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 65-77.
- 14 Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов и др. М.: Наука, 1972. С. 95-118.
- 15 Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пушино: Пушинский науч. центр РАН, 2000. 364 с.
- 16 Мажитов Н.А. Отчет об археологическом исследовании в Бирском, Покровском и Нуримановском районах БАССР за 1960 г. Уфа, 1960а // Научный архив ИА РАН. Д. 2105.
- 17 Мажитов Н.А. Альбом иллюстраций к отчету об археологическом исследовании в Бирском, Покровском и Нуримановском районах БАССР за 1960 г. Уфа, 1960б // Научный архив ИА РАН. Д. 2105а, 2105б.
- 18 Мажитов Н.А. Альбом иллюстраций к отчету об археологическом исследовании в Бирском, Покровском и Нуримановском районах БАССР за 1960 г. Уфа, 1960в // Научный архив ИА РАН. Д. 2105б.
- 19 Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 161 с.
- 20 Мажитов Н.А. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках Бирского могильника в БАССР в 1981 г. Уфа, 1982 // Научный архив ИА РАН. Д. 8674а.
- 21 Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях в Северной Башкирии в 1983 г. Уфа, 1984 // Научный архив ИА РАН. Д. 9750.

- 22 Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях в 1984 г. в Северной Башкирии. Уфа, 1985 // Научный архив ИА РАН. Д. 9520.
- 23 Мажитов Н.А. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника // СА. 1990. № 1. С. 261-266.
- 24 Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа: Китап, 1994. 360 с.
- 25 Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная лит-ра, 2008. 365 с.
- 26 Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
- 27 Русланова Р.Р. Отчет об итогах раскопок объекта археологического наследия «Бирск-2, грунтовый могильник» в 2017 г. Открытый лист № 734 от 16.06.2017 г. Уфа, 2018 // Научный архив ИИГУ.
- 28 Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018а. 376 с.
- 29 Русланова Р.Р. История полевых исследований Бирского могильника // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018б. С. 91-98.
- 30 Русланова Р.Р. Погребальный обряд Бирского могильника по результатам раскопок 2017 года // XXI Уральское археологическое совещание / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018в. С. 318-320.
- 31 Русланова Р.Р. Научный отчет об итогах раскопок объекта археологического наследия «Бирский грунтовый могильник» в Бирском районе Республики Башкортостан в 2021 г. по Открытому листу №2347 от 10.09.2021 г. Уфа, 2022 // Научный архив Национального музея Республики Башкортостан.
- 32 Русланова Р.Р., Русланов Е.В. Новейшие исследования объекта археологического наследия «Бирск-2, грунтовый могильник» // АО–2017. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 364-366.
- 33 Русланова Р.Р., Русланов Е.В. Бирский и Кушнаренковский могильники эпохи раннего средневековья в свете новых полевых исследований // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 42-55.
- 34 Сабиров Т.Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 28 с.
- 35 Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 203 с.
- 36 Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничноку / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 246-256.

REFERENCES

- 1 Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Craniometry. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Cranometry. Methodology of anthropological research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 2 Akimova, M. S. 1968. *Antropologiya drevnego naseleniya Priuraliya (Anthropology of the ancient population of the Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 3 Ambroz, A. K. 1980. In: Pletneva, S. A. (ed.). In: *Srednevekovye drevnosti evrazijskih stepej (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 1-56. (in Russian).
- 4 Balabanova, M.A., Klepikov, V.M., Korobkova, E.A., Krivosheev, M.V., Pererva, E.V., Skripkin, A.S. In: *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzhya: pogrebalnaya obryadnost i antropologiya (Gender and age structure of the Sarmatian population of the Lower Volga river region: funeral rituals and anthropology)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
- 5 Belyavskaya, O. S. 2023. *Hronologiya remennyh garnitur Yuzhnogo Priuraliya III – rubezha VII i VIII vv. (Chronology of belt sets of the Southern Urals of the 3rd – turn of the 7th and 8th centuries)*: thesis of the Cand. of Hist. sciences. Moscow (in Russian).
- 6 Berseneva, N. A. 2017. In: *Ufmskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)*, 17, 8-12 (in Russian).
- 7 Berseneva, N. A. 2022. *Povolzhskaya Arkheologia (The Volga River Region Archaeology)*, 1 (39), 61-70 (in Russian).

- 8 Berseneva, N. A. 2023. In: *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)*, 2, 85-99 (in Russian).
- 9 Bulychov, N. I. 1902. *Drevnosti iz Vostochnoi Rossii (Antiquities from Eastern Russia)*. Vol. 1. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova (in Russian).
- 10 Vasyutkin, S. M. 1994. *Izuchenie epohi Srednevekoviya Yuzhnogo Priuraliya: Ucheb. Posobie (Study of the Middle Ages of the Southern Urals: Tutorial)*. Elista: Kalmyk University (in Russian).
- 11 Gening, V. F. 1972. In: *Smirnov, A. P. (ed). In: Problemy arheologii i drevnej istorii ugrov (Problems of archaeology and ancient history of the Ugrians)*. Moscow: “Nauka” Publ., 221-295 (in Russian).
- 12 Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebalnyy obryad Tarasovskogo mogilnika I–V vv. na Srednej Kame. Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoy ekspeditsii (Funeral rite of the Tarasovsky burial ground of the 1st–5th centuries on the Middle Kama. Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition)*, 29. Kazan; Izhevsk (in Russian).
- 13 Zubov, S. E., Lifanov, N. A., Roslyakova, N. V., Sattarov, R. R. 2021. In: *Povolzhskaya Arkheologia (The Volga River Region Archaeology)*, 1 (35), 65-77 (in Russian).
- 14 Kovalevskaya, V. B. 1972. In: *Smirnov, A. P. (ed). In: Problemy arheologii i drevnej istorii ugrov (Problems of archaeology and ancient history of the Ugrians)*. Moscow: “Nauka” Publ., 95-118. (in Russian).
- 15 Kovalevskaya, V. B. 2000. *Kompyuternaya obrabotka massovogo arheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii (Computer processing of mass archaeological material from early medieval monuments of Eurasia)*. Pushchino: Pushchino Scientific Center of the RAS (in Russian).
- 16 Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaya kultura (Bakhmutin culture)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 17 Mazhitov, N. A. 1960a. In: Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the RAS. D. 2105 (in Russian).
- 18 Mazhitov, N. A. 1960b. In: Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the RAS. D. 2105a (in Russian).
- 19 Mazhitov, N. A. 1960c. In: Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the RAS. D. 2105b (in Russian).
- 20 Mazhitov, N. A. 1982. In: Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the RAS. D. 8674a (in Russian).
- 21 Mazhitov, N. A. 1984. In: Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the RAS. D. 9750 (in Russian).
- 22 Mazhitov, N. A. 1985. In: Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the RAS. D. 9520 (in Russian).
- 23 Mazhitov, N. A. 1990. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 1, 261-266 (in Russian).
- 24 Mazhitov, N. A., Sultanova, A. N. 1994. *Istoriya Bashkortostana s drevnejshikh vremen do XVI v. (History of Bashkortostan from ancient times to the 16th century)*. Ufa: “Kitap” Publ. (in Russian).
- 25 Malashev, V. Y., Yablonskiy, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuraliya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10 (Steppe population of the Southern Urals in the Late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground)*. Moscow: “Vostochnaya lit-ra” Publ. (in Russian).
- 26 Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikamya v III–V vv. (Population of the Middle Kama region in the 3rd–5th centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch RAS (in Russian).
- 27 Ruslanova, R. R. 2018. In: Scientific archive of the Institute of History and Public Administration (in Russian).
- 28 Ruslanova, R. R. 2018. *Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropolej III–VIII vekov (Beads of the Southern Urals based on materials from necropolises of the 3rd–8th centuries)*. Ufa: “Bashkirskaya enciklopediya” Publ. (in Russian).
- 29 Ruslanova, R. R. 2018b. In: Ruslanova, R. R. (ed.). In: *ArhLab. Arheologiya Urala: vremya, pamyatniki, lyudi. Sbornik nauchnykh statej (ArchLab. Archaeology of the Urals: time, monuments, people. Collection of scientific articles)*, 3, 91-98 (in Russian).
- 30 Ruslanova, R. R. 2018c. In: Vybornov, A. A. (ed.). In: *XXI Uralskoe arheologicheskoe soveshchanie (21st Ural Archaeological Meeting)*. Samara: Samara State Socio-Pedagogical University, 318-320 (in Russian).
- 31 Ruslanova, R. R. 2022. In: Scientific archive of the National Museum of the Republic of Bashkortostan (in Russian).
- 32 Ruslanova, R. R., Ruslanov, E. V. 2019. In: Lopatin, N. V. (ed.). In: *Arheologicheskie otkrytiya 2017 g. (Archaeological discoveries 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 364-366 (in Russian).
- 33 Ruslanova, R. R., Ruslanov, E. V. 2022. In: *Povolzhskaya Arkheologia (The Volga River Region Archaeology)*, 1 (39), 42-55 (in Russian).

- 34 Sabirov, T. R. 2011. *Pogrebalnyj obryad Tarasovskogo mogilnika I–V vv. na Srednej Kame (Funeral rite of the Tarasovsky burial ground 1st–5th centuries on the Middle Kama)*: thesis of the Cand. of Hist. sciences. Izhevsk (in Russian).
- 35 Sultanova, A. N. 2000. *Birskiy mogilnik: istoriko-arkheologicheskaya kharakteristika (Birsky burial ground: historical and archaeological characteristics)*: thesis of the Cand. of Hist. sciences. Ufa (in Russian).
- 36 Sungatov, F. A., Yusupov, R. M. 2006. In: Obydenнова, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). In: *Yuzhnyi Ural i sopredelnye territorii v skhifo-sarmatskoe vremya (Southern Urals and adjacent territories in the Scythian-Sarmatian time)*. Ufa: “Gilem”. Publ., 246-256 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 21.02.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.03.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 13.03.2024.

